

ЯКОВ ТРЯПИЦЫН И ИВАН АНДРЕЕВ – ЖЕРТВА И ПАЛАЧ?

Имя Тряпицына Якова Ивановича, командующего партизанской армией на Нижнем Амуре в 1920 году, отдавшего приказ об уничтожении города Николаевска, виновного в гибели нескольких тысяч жителей города, безжалостно уничтожившего пленных японцев, что вызвало огромный международный скандал, последствия которого обсуждались на международных конференциях, хорошо известно жителям Дальнего Востока.

Трагические события на Нижнем Амуре, которым в минувшем году исполнилось 80 лет, по-прежнему привлекают внимание историков, краеведов. И как много лет назад, исследователи и читатели их трудов задаются одним и тем же вопросом: что случилось в том далеком и жестоком 1920 году за сравнительно небольшой промежуток времени – с конца февраля по 9 июля – на окраине бывшей Российской Империи на Нижнем Амуре? Кто виновен в бессмысленной гибели нескольких тысяч людей, зачем уничтожили замечательный русский город Николаевск, чем руководствовались исполнители этих безумных акций, кто и при каких обстоятельствах остановил это кровавое безумие?

Кто же он в действительности, этот человек? Даже причинив столько горя населению Нижнего Амура, уничтожив тысячи людей, он остался в памяти народной одновременно и как палач, и как герой, и как диктатор.

Сведений о жизни Тряпицына до николаевских событий немного¹. В различных изданиях биографические данные о нем разные. Наиболее точное описание его биографии содержится в письме его сестры, находящемся в Государственном архиве Хабаровского края.

Родился Яков Иванович Тряпицын в апреле 1897 года в селе Севостлейка Муромского уезда Владимирской губернии в семье крестьянина Ивана Степановича Сидорова-Тряпицына. Кроме него, в семье были две сестры, он был третьим ребенком. Учился в 4-годичной сельской школе, окончил ее с похвальным листом. В 1915 году поступил работать на судоверфь «Мордовщик», находившуюся в 12 верстах от села. Работал помощником машиниста на паровозе в паровозном депо внутризаводского транспорта. Летом 1916 года был призван на службу в армию и зачислен в лейб-гвардию в столичный Кексгольмский полк. Яков переписывался со старшей сестрой, переехавшей в Москву. Брат ей сообщил, что полк перешел на сторону революционных рабочих. Вскоре он написал из действующей армии, а весной 1918 года заехал к сестре в Москву, а затем – в деревню к родителям. Был награжден Георгиевским крестом, но своими заслугами не хвастался. Крест и ленту оставил сестре, которая долго хранила ленту, а крест кому-то отдала. Все лето провел в Севостлейке, помогал отцу на сенокосе. Сельская жизнь его не удовлетворяла, он как-то сказал отцу: «Нет, ты, отец, поездил, и у тебя семья, теперь я поеду...». Вместе с соседом поехал в Сибирь. Зимой 1918 года заехал в Омск к односельчанину и, уезжая, сказал: «Поеду биться за Советскую власть» (так написал односельчанин в письме его сестре)².

Был арестован в Иркутске белыми, бежал из тюрьмы. Прибыл в Приморье и непродолжительное время был простым бойцом в партизанском отряде Г. М. Шевченко. Из-за разногласий в вопросах партизанского движения во главе не-

большого отряда сначала перебрался в район Имана, а затем в Хабаровский уезд. В ноябре 1919 года на совещании представителей партизанских отрядов в селе Анастасьевка Хабаровского уезда было принято решение об усилении партизанского движения на Нижнем Амуре. 10 ноября от села Вятского начался известный поход отряда Тряпицына в количестве 35 человек на Николаевск. Во время этого рейда отряд вырос в партизанскую армию в составе 5 полков. Они заняли Николаевск. 19 января в с. Личи на совете командиров было принято решение о преобразовании партизанской повстанческой армии в регулярную Красную Армию. Попытки отдельных авторов представить Тряпицына высокообразованным человеком, разбирающимся в философии, с учетом известных фактов его жизненного пути ничем не подтверждаются. Достоверно лишь то, что он увлекался идеями анархистов и фактически стоял на платформе анархистов.

История партизанского движения на Нижнем Амуре изучена недостаточно полно. Длительное время значительная часть материалов была недоступна исследователям, а затем интерес к этой теме утих. Из наиболее известных авторов, опубликовавших работы по этой теме, следует указать Смоляка В. Г.³, Беликову Л. С.⁴, Левкина Г. Г.⁵. Взаимоисключающие выводы, содержащиеся в их научных работах, и характерные заголовки статей, например: «Кто он – бандит или герой?», «Герой или бандит одновременно», опубликованных в последнее время, со всей очевидностью показывают противоречивый характер оценок деятельности Тряпицына.

Следует отметить, что за последние 80 лет в силу различных причин, о чем будет изложено в настоящей статье, в научной печати и исследованиях краеведов совершенно не был изучен немаловажный аспект рассматриваемой темы. Кто тот человек, который встал на пути этого «героя-бандита», находившегося в ореоле славы во главе многотысячной партизанской Красной Армии, чем он руководствовался, организуя арест, а затем и народный суд над легендарным главнокомандующим Красной Армией Тряпицыным вместе с его штабом и представителями Советской власти на Дальнем Востоке.

АНДРЕЕВ ИВАН ТИХОНОВИЧ

Родился 7 октября 1884 года в селе Дубки Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии в семье крестьянина Тихона Андреева. В семье было 6 детей⁶. В юности плавал на Балтике, служил в торговом флоте матросом, кочегаром, рулевым. Образование получил начальное в церковно-приходской школе. Хорошо знал финский и шведский языки: его бабушка была финка. На военной службе прослужил 15 лет. До Октябрьской революции проходил службу в крепости Чырырах, поднявшись по служебной лестнице от рядового до фельдфебеля сверхсрочной службы. В 1912 году после сдачи экзаменов ему был присвоен чин подпрапорщика. В 1914 году окончил Владивостокское офицерское училище, где ему было присвоено звание зауряд-прапорщика артиллерии. После Февральской революции в 1917 году вернулся в Николаевск-на-Амуре и стал рыбачить в организованной им артели «Сивуч» в Амурском лимане и Татарском проливе. Как стоящий на платформе большевиков во время краткого периода Советской власти в Николаевске в 1918 году, он был помощником у заместителя военного комиссара Бебенина, активно включился в борьбу за Советскую власть, был назначен начальником артиллерии в крепости Чырырах. Перед захватом Николаевска в начале сентября 1918 года много сделал для разгрузки крепости от излишнего оружия и снарядов (чтобы они не достались японцам), часть которых поступила на вооружение канонерок, прибывших в августе 1918 года из Хабаровска.

Накануне оккупации крепости и города японцами привел в негодное состоя-

ние орудия крепости, спрятав в надежном месте орудийные замки. Когда в сентябре 1918 года город захватили японцы, продолжал заниматься рыбалкой и поддерживал нелегальную связь с большевистским подпольем⁷.

После захвата крепости Чныррах партизанами в феврале 1920 года под его руководством орудия были приведены в боевую готовность и приняли участие в обстреле города, что вынудило японцев приступить к переговорам с партизанами и в конечном итоге впустить их в город.

*Иван Тихонович Андреев, его сын Михаил и жена Ирина.
Николаевск-на-Амуре, 1916 г.
(Публикуется впервые. Фото из архива автора.)*

На съезде трудящихся Сахалинской области в марте 1920 года был избран членом исполкома и начальником областной милиции. Понимая пагубность поведения главнокомандующего партизанской Красной Армией Тряпицына, который, окружив себя бандитскими элементами, фактически узурпировал власть, возглавил против него заговор, который закончился арестом и расстрелом «нижнеамурского диктатора».

В предлагаемой статье, основанной как на известных источниках, так и на новых архивных материалах, делается попытка раскрытия настоящей темы с новой точки зрения.

Для ответа на эти вопросы следует обратиться к событиям начала 1920 года.

В начале февраля 1920 года партизанская армия под командованием Якова Тряпицына блокировала Николаевск-на-Амуре, в котором с 8 сентября 1918 года находился японский экспедиционный корпус под командованием майора Исиакава. 29 февраля полки партизанской Красной Армии после подписания с японцами мирного договора, к которому партизаны принудили японцев, начав обстрел города из орудий крепости Чныррах, торжественно вступили в город.

Власть в городе перешла в руки Временного исполкома Советов Сахалинской области.

В Николаевске начала восстанавливаться Советская власть. Чрезвычайной комиссии удалось захватить все документы белогвардейской контрразведки и, как следствие – арестовать не только всех контрразведчиков, но и всех их негласных

агентов. Вместе с ними были арестованы и посажены в местную тюрьму те городские жители, которые в 1918 году подписали петицию на имя японского императора с просьбой прислать войска на Нижний Амур для свержения Советской власти.

В течение нескольких дней были арестованы все члены земской управы и городского самоуправления, служащие казенных учреждений, врачи, нотариусы, мировые судьи и почти все крупные домовладельцы. Все арестованные были помещены в городскую тюрьму⁸.

12 марта 1920 года планировалось открытие съезда Советов Сахалинской области. 9 марта 1920 года, накануне открытия съезда, была проведена регистрация прибывших депутатов.

БОЙ В ГОРОДЕ

В ночь на 12 марта японцы, входившие в состав экспедиционного корпуса под командованием майора Исикава, совершили внезапное провокационное нападение на партизанские части, расквартированные в городе. Во всем городе японские солдаты вели огонь по казармам и домам, где расположились партизаны. Основной огонь был направлен на штаб Красной Армии, который располагался в деревянном здании. В первые минуты боя начальник штаба Т. И. Наумов-Медведь был тяжело ранен. Он выпрыгнул со второго этажа здания и погиб. Спустя несколько дней распоряжением № 4 от 16.03.1920 г. по Красной Армии Николаевского округа член агитационно-организационного отдела Нина Лебедева-Кияшко была назначена начальником штаба Красной Армии. Как выяснилось позже, при том японском нападении несколько человек было ранено, в том числе главнокомандующий Красной Армией Тряпицын, секретарь штаба Покровский-Черный застрелился. Тряпицыну и находившимся в горящем штабе партизанам удалось под огнем японцев перебежать во второе каменное здание, где комендант гарнизона А. Комаров организовал отпор нападавшим. О серьезности создавшегося положения свидетельствует тот факт, что в первые часы боя партизаны были подавлены внезапным нападением японцев и даже главнокомандующий, будучи вторично ранен в ногу, попросил своих товарищей пристрелить его.

Внезапности японского нападения в немалой степени способствовала беспечность самих партизан, которые наивно поверили в миролюбие японцев. В первые часы боя японцы захватили узловые точки города, но очень скоро партизаны пришли в себя и затем ночью, весь день 12 марта и в последующие дни по всему городу вели ожесточенные схватки, которые завершились полным разгромом японского экспедиционного отряда. В ходе боев партизаны взяли в плен 117 японских военнослужащих и 11 женщин, которые были помещены в городскую тюрьму.

Подробности этого трехдневного боя достаточно полно освещены в трудах советских и российских исследователей. Поэтому в настоящей работе мы приводим лишь некоторые неизвестные, весьма характерные эпизоды.

В деревянном здании магазина Симадо засела большая группа японцев во главе с майором Исикава – командующим японским гарнизоном. Дом был подожжен партизанами, и когда японцы выскочили из него, то все были перебиты, в числе последних был ранен майор Исикава, которого солдаты тщательно оберегали. Командир отряда Будрин лично застрелил тяжело раненного Исикаву и забрал себе его револьвер и саблю⁹.

«Не ожидая окончания боя, стали собирать трупы убитых в городе. Трупы убитых японцев вывозились на лед Амура напротив мыса Кошка, где сваливались в кучи, и трупов было огромное количество. Возле трупов ходила масса людей, одни искали своих близких и родных, другие под шум боя обыскивали японцев и выбивали у них золотые зубы. Охраны не было никакой, и поэтому мародерство никем не пресекалось.

В конце 7-й улицы (сейчас это улица Луначарского) располагался квартал примерно из 10 домов, где проживали японские женщины, оказывающие мужчинам определенные услуги. Все эти женщины, около 80 человек, были безжалостно убиты и ограблены, их дома сожжены. В этих зверствах, пока в городе шли ожесточенные бои партизан с японцами, участвовал всяческий сброд, прежде всего сбежавшие с Сахалина бывшие каторжники, так называемая «сахала»¹⁰.

Боевые действия в городе прошли с большим ожесточением. Японцы раненых в плен не брали. Партизаны также не щадили никого. Участники этих боев А. Абрамов и П. Бахарев так вспоминали в 1938 году об одном из эпизодов боя: «Сильный бой шел у магазина Симадо. Взять японцев было трудно, наступающие несли огромные потери. Тогда партизаны подвезли пожарную машину, из нее облили здание керосином и зажгли его. Японцы не сдавались, с криком «Банзай!» они высакивали из пламени и тут же падали, скошенные пулями, многие сгорели»¹¹.

Не случайно, что из японского гарнизона, насчитывавшего около 600 человек, и значительного числа японцев среди мирного населения после боя в живых осталось и было помещено в тюрьму всего 117 мужчин и 11 женщин.

Судьба их была печальна. Перед отступлением партизан из города по распоряжению Тряпицына все они были расстреляны.

После окончания боев в городе стало известно, что в ночь на 13 марта в тюрьме были уничтожены все находившиеся там арестанты, среди которых были пленные японские солдаты, белые офицеры, бывшие активные каратели, а также местные жители из числа буржуазии и городского чиновничества и даже несколько партизан. Дело в том, что в первые дни занятия партизанами города в Чрезвычайную комиссию поступало много заявлений о лицах, сотрудничавших с японскими войсками. Некоторые местные жители были арестованы по доносам для сведения личных счетов, несколько партизан содержались временно в тюрьме из-за отсутствия гауптвахты за пьянство, нарушения дисциплины. Арестованных не расстреливали, а уничтожили с применением холодного оружия. По иронии судьбы к этому времени следственная комиссия ревтрибунала практически закончила свою работу по проверке дел арестованных, и те из них, которые были признаны невиновными, должны были быть освобождены именно днем 12 марта в честь открытия съезда Советов. Состав караула, охранявшего тюрьму, должен был быть сменен утром 12 марта, но из-за начавшегося боя с японцами остался на месте. После полудня в тюрьму прибыл Лапта с несколькими партизанами и потребовал от начальника караула Дорохова немедленно расстрелять всех офицеров и лиц, находящихся в тюрьме. Дорохов, не имея приказа из штаба, отказался выполнить этот приказ. Дело чуть не дошло до стрельбы, но начальника караула поддержали партизаны из караула, заявив, что если японцы подойдут к тюрьме и попытаются освободить офицеров, то они сами их расстреляют. Лапта послал одного из партизан, и тот принес приказ, разрешающий ликвидировать арестованных. Их тут же и уничтожили в камерах. После этого никто этого приказа не видел.

О том, что в городской тюрьме, кроме местных жителей, находились и другие арестованные, свидетельствует партизан из села Керби Латышев: «Я вступил в отряд Будрина, и мне поручили конвоировать в Николаевск арестованных в Керби охранников, хозяйствиков-золотопромышленников, торговцев и прочую колчаковскую сволочь. Наш конвой шел за основными силами и пришел в город, когда там уже шли бои и наш основной отряд уже воевал. Мы сдали арестованных в тюрьму, где начальником был Сопляков, и вступили в бой»¹².

По свидетельству очевидцев, убитых вывозили на подводах к замерзшему фарватеру Амура и там либо сбрасывали их на лед, либо опускали в проруби. Потом

пошли разговоры, что несколько человек, которые были недобиты, очнулись и сумели добраться до окраины города, где их укрыли местные жители. Недобитых разыскивали и вновь расстреляли.

Свидетель этих событий, молодой партизан, так описывал эти события: «Приснулся я от резкого толчка в бок. Надо мной стоял Костин, местный рыбак и грузчик, — пьяница и драчун, вечно ходивший оборванным и пьяным. Он велел мне выходить на улицу, где в темноте стояла группа людей. Он сказал, что получен приказ Тряпицына о ликвидации находящихся в тюрьме всех белых «гадов». Костин пояснил, что бои с японцами неизвестно когда кончатся и на всякий случай всех «гадов» нужно перебить, но тихо и без шума. Сейчас всех партизан, находящихся поблизости от тюрьмы, приказано собрать и направить в тюрьму для ликвидации арестованных. Я стал отказываться, но Костин пригрозил, что меня тут же самого расстреляют. Вдоль дороги возле тюремного забора на снегу лежали тела убитых людей. Чернели лужи крови. На мой вопрос, что это за люди и когда их побили, Костин со злостью ответил:

— Начали гадов копать, вот они и валяются. Нам с тобою еще хватит, начали недавно.

На пустыре слышен храп лошадей, скрип полозьев саней, негромкие голоса возбужденных людей. Мы подошли поближе, и, подойдя поближе к копошившимся у саней людям, я увидел, что они подбирали тела убитых и грузили их на подходившие сани. Костин и я занялись этим делом. Тела убитых были еще теплыми, как неприятно было брать мертвого человека и бросать на сани. Иногда мне казалось, что кто-то из них стонал. Грузили в зловещей тишине, слышалось лишь тяжелое дыхание уставших людей. Вот ушла последняя подвода, и наша группа около 7–8 человек пошла к воротам тюрьмы, от многих пахло водкой. Не дойдя до ворот, мы увидели идущую нам навстречу группу людей со связанными руками, которых сопровождал конвой из нескольких партизан без всякого оружия. Люди шли тихо, беспокойно оглядываясь по сторонам и что-то спрашивая у конвоиров. Конвоиры молчали. Мимо меня проследовало не менее 50 человек. И вдруг впереди послышался громкий крик, кто-то заматерился, люди остановились, и тут на высокой ноте послышался нечеловеческий крик. И тут начался такой ужас, который я не забуду до конца своей жизни.

Конвоиры, высоко взмахивая руками, стали бить конвоируемых какими-то не видными мне в темноте предметами. Раздались вопли ужаса, и люди стали валиться на снег, падая под ударами озверевших конвойных. А конвоиры все били и били беззащитных людей. Вдруг один из них вырвался из группы и побежал в сторону дороги, и я услышал его крики:

«Товарищи! Что вы делаете? Мы же свои, партизаны!»

Высокий партизан с карабином побежал за ним, хлопнули два выстрела, и крики оборвались. Вдоль дороги еще стонали и хрюкали недобитые арестанты, к ним, матерясь, подбегали конвоиры и добивали их. Через несколько минут все было кончено. А в городе слышались выстрелы, там продолжался ожесточенный бой. Так закончился мой первый день участия в бою и день моего рождения»¹³.

Следует отметить, что подобную расправу над заключенными в ходе боя с японцами, исход которого нельзя было предсказать, в какой-то степени и с большой оговоркой можно понять. Однако подобные расправы с заключенными не были единичными и совершались после занятия города партизанами, т. е. в период с 29 февраля до 11 марта. Воспоминания участника тех событий Птицына, написанные им лично, потрясают не только фактическим описанием, но и мотивировкой содеянного.

«Приговор трибунала по делам, переданным ему ЧК, был суров и беспощаден, к смертной казни было приговорено около 80 человек контрразведчиков, часть офи-

церов и большая часть солдат комендантской команды с начальником Крошевцом. На 12 марта были намечены торжественные похороны жертв белого террора и открытие съезда Советов, и перед этим штаб решил стереть с лица земли человеческий мусор, который мешал осуществлению идеалов, за которые лучшие умы человечества сложили свои головы. Технически это вызывало ряд затруднений, т. к. выстрелы могли привлечь внимание японцев, которые могли принять какие-либо меры, а другие способы умерщвления до некоторой степени претили штабу, и было решено умерщвление произвести холодным оружием.

Тряпицын в оправдание этого распоряжения сказал: «Пусть умирают так, как наш товарищ Орлов умирал». Для исполнения были выделены два взвода лыжников под командованием Лапты и взвод 4-й роты 1-го полка под командой командира роты Федотова. Арестованных ночью группами по 5–10 человек выводили из тюрьмы на заснеженный фарватер Амура, где были приготовлены большие проруби, в которые сбрасывали убитых. Некоторые умирали смело и сами прыгали в прорубь, как прапорщик Кобыляченко, другие пытались произвести эффект, например, как старый штабс-капитан инженерного управления Стеценко, который по всем правилам промаршировал к проруби и, остановившись в ожидании удара, прокричал: «Смотрите, красно...е, как кадровые офицеры умирают!» Смело умирал бывший начальник Буреинской экспедиции поручик Гарф, многие же трусili и просили пощады. В общем, картина этой казни была непривлекательная, но необходима, держать врагов в арестном помещении было рискованно, ссылать некуда – ведь была Гражданская война, и поэтому для виновных был один вид наказания – смертная казнь¹⁴. Чудом уцелевший в этой бойне Казачков Николай оставил свои воспоминания: «Я работал помощником машиниста на катере «Ола» и был арестован партизанами как пособник японцев за то, что по их приказу поставил на мысе Кошка прожектор. Во время выступления японцев меня с группой арестованных небольшой конвой повел к Амуру. В районе лесопильного завода, возле вытащенных на берег кунгасов конвоиры внезапно стали бить арестованных, у которых были связаны руки, по головам молча и быстро металлическими прутьями и ломиками. Я упал и потерял сознание. Очнулся от холода, выбрался из-под груды тел, приполз в караульное помещение рядом с берегом, рассказал о случившемся и остался до утра. Утром меня отвезли в госпиталь, и там я остался до весны. Весной сходил на место бойни и увидел оттаявшие трупы, которые в ледоход унесло в Татарский пролив»¹⁵.

Участник николаевских событий С. Днепровский так вспоминает разговор с Ауссемом – членом исполкома во время работы съезда Советов в марте 1920 года. На его вопрос: «Зачем нужно было уничтожать всех арестованных в тюрьме?» последовал спокойный ответ: «Это пустяки. Эти люди – социальный навоз, и нечего ставить такие вопросы»¹⁶.

«Арестованные, находящиеся на гауптвахте и в милиции, представляли угрозу партизанскому тылу, т. к. требовали усиленного караула, а также мы не были уверены, что этот район закрепим за собою. Вследствие этого Лапта по согласованию с Тряпицыным приказал всех арестованных перебить, что и было исполнено караулом и особо назначенными для этой цели лицами. Посланный Лаптой партизан отряда лыжников Молодцов один перебил всех арестованных прямо в камерах. Среди убитых на гауптвахте были известные люди: заместитель председателя земской управы адвокат Капкан и офицер-кореец Ажен. Всего на гауптвахте в то время было около 30 арестованных. В числе убитых в милиции – священник протоиерей Серапион Черных и бывший губернатор [Сахалина] фон Бунге»¹⁷.

СЪЕЗД СОВЕТОВ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Выступление японцев в ночь на 12 марта и последовавший трехдневный бой не дали возможности открыться назначенному на 12 марта съезду Советов Сахалинской области. Первое заседание съезда Советов открылось 16 марта в 11 часов 40 минут в помещении реального училища пением «Интернационала» 152 избранными до японского выступления депутатами. В связи с тем что мандаты делегатов съезда сгорели в штабе при ночном нападении японцев, решено было мандатную комиссию не избирать. От имени командования Красной Армии делегатов съезда приветствовала начальник штаба Красной Армии Нина Лебедева-Кияшко. После приветствия делегаты съезда хором спели революционные песни: «Вы жертвою пали», «Замучен тяжелой неволей», «Смело, товарищи, в ногу». Для подсчета голосов съезд избрал счетную комиссию, в состав которой вошел делегат Андреев Иван Тихонович. С этого дня пересеклись пути главнокомандующего Красной Армией Николаевского округа Якова Тряпицына и не известного ему бывшего артиллериста крепости Чнырах Андреева. До последнего рокового дня Якова Тряпицына – его расстрела – оставалось 3 месяца и 23 дня, и как много трагических и страшных событий произойдет за это время.

По утверждению известного историка Дудина, первое знакомство Андреева с Тряпицыным состоялось до 29 февраля, т. е. до того момента, когда Тряпицын прибыл в крепость Чнырах, где осмотрел пушки, подготовленные для обстрела города. Приведением в боевую готовность этих пушек занимался бывший зауряд-прапорщик артиллерии Андреев¹⁸.

С 16 до 27 марта Тряпицын и Андреев каждый день встречаются на заседаниях съезда.

Как много в истории играет случай. На следующий день, 17 марта, после открытия съезда на утреннем заседании решался вопрос об участии в работе съезда с решающим голосом одного из представителей села Льва Толстого, расположенного на левом берегу Амура вблизи Николаевска, Горданова. Выяснилось, что его, ранее выбранного делегатом съезда, ошибочно посчитали убитым. Поэтому после подавления японского выступления мандат на съезд вместо Горданова получил Андреев. На съезде же признали полномочия обоих делегатов¹⁹.

Уже во время работы съезда распоряжением по войскам Красной Армии № 7 от 20 марта 1920 года «товарищ Андреев назначается начальником милиции Николаевского-на-Амуре округа, которому предлагается в спешном порядке организовать милицию в городе Николаевске и Сахалинской области»²⁰.

На вечернем заседании съезда 26 марта был заслушан доклад представителя секции по комиссариату внутренних дел Андреева.

На утреннем пленарном заседании съезда 27 марта решается вопрос об избрании Сахалинского областного исполкома в количестве 27 членов, в том числе 13 комиссаров. Среди 48 кандидатов в члены исполкома – фамилия Андреева.

На утреннем заседании съезда 28 марта 155 делегатов проголосовали за избрание членов исполнительного комитета. Больше половины голосов получают 26 кандидатов, в том числе главнокомандующий Красной Армией Тряпицын – 123 голоса (7-е место). Андреев не проходит в члены исполкома – у него всего 77 голосов, для избрания ему не хватило всего одного голоса. Однако судьба снова улыбается Андрееву. Съезд постановил: «Считать 27-м членом исполкома т. Андреева, получившего только 1 голосом меньше, чем следовало, а именно 77 голосов».

В этот же день, вечером 28 марта, на первом заседании Николаевского окружного исполнительного комитета Тряпицын избирается членом исполкома, военным

комиссаром и командующим армией. Андреев единогласно избирается комиссаром милиции. Теперь они с Тряпицыным вместе в одной команде до последнего, рокового дня – 9 июля. На этом заседании произошло первое столкновение Тряпицына и Андреева – на 2-м этаже здания реального училища, в просторной комнате штаба главнокомандующего Красной Армией Тряпицына. Тряпицын из-за того, что был дважды ранен в ногу и ходить не мог, во время заседания исполкома полулежал на постели с маузером в руках. Несколько раз он взводил курок маузера и наводил его на членов исполкома: был чем-то раздражен. Члены исполкома сидели на расставленных по предложению Тряпицына стульях, выбирали комиссаров. Предлагаемые Тряпицыным кандидатуры возражений не вызывали. Когда очередь дошла до должности военного комиссара и командующего Красной Армией, Железин предложил кандидатуру Тряпицына, а Алексеев – Будрина. Тряпицын изменился в лице и навел маузер на Алексеева. Будрин сразу же сказал, что он от этой должности отказывается, т. к. Тряпицын как организатор партизанской армии, под руководством которого был взят город Николаевск, имеет на это больше прав. После Будрина выступил Тряпицын, который заявил: «Я организовал отряд, я взял город и не могу допустить, чтобы плоды моих побед были разрушены неумелым руководством. Поэтому я настаиваю на том, чтобы комиссаром исполкома и командующим Красной Армией был я». На заседании Тряпицын резко обрывал присутствующих, и поэтому распределение постов закончилось быстро. Председателем Сахалинского исполкома был избран Железин.

ПОДГОТОВКА ЗАГОВОРА

Жизнь в городе шла своим чередом. Полным ходом проводились аресты интеллигентии, бывших чиновников земской управы. С 1 апреля стала регулярно выходить газета «Призыв» – официальный орган штаба Красной Армии Николаевского-на-Амуре округа. В городе работал кинематограф, в театре ставились спектакли, но в то же время была национализирована кооперация, отменены деньги, введено уравнительное снабжение, широко применялась конфискация имущества, фактически в городе вводился режим казарменного коммунизма, а в партизанской среде зрело серьезное недовольство главнокомандующим.

Распоряжением главнокомандующего по войскам Красной Армии № 23 от 07.04.1920 г. Андреев назначается начальником артиллерии крепости Чныррах²¹.

Незаконные аресты, реквизиции, насилие со стороны партизанской вольницы вызывали недовольство и протесты со стороны населения и самих партизан. Свообразие создавшейся ситуации заключалось в том, что партизанские отряды, составлявшие основу Красной Армии, были укомплектованы различными людьми, в большей части влившимися в партизанские отряды во время беспримерного рейда с ноября 1919 по февраль 1920 года. К тому же в среду партизан, кроме жителей приамурских сел и рабочих приисков, которых было множество вокруг города Николаевска, затесалось много деклассированных элементов, бывших каторжан с Сахалина. И вот эта плохо управляемая масса людей с оружием захватывает богатейший город на Нижнем Амуре. Насилие и грабежи, сведение счетов с богатой частью населения, интеллигентией стали для подобных партизан вполне естественными. Это не могло не вызвать противодействия со стороны той части партизан, которые длительное время жили в окрестностях города, занимались рыбалкой, имели родственников в городе, и чинимые расправы над их знакомыми, а иногда и родственниками, не могли не возмущать их.

Первое открытое выступление против Тряпицына произошло в бывшем 1-м горном полку, состоящем из рабочих приисков, которым командовал Будрин, и в отряде бывших артиллеристов из крепости Чныррах, которым командовал Иван Андреев.

Открыто против Тряпицына никто не высказывался. Однако нелегальная работа среди партизан бывшего Кербинского отряда, прибывшего в город во время японского выступления под командованием Будрина, и среди артиллеристов велась через Андреева И., Кононова Я., Березовского П., Ковалева Н. По показаниям очевидцев, Будрин первым понял гибельность действий Тряпицына и его штаба и решил совершить военный переворот. В этом ему помогали отдельные члены исполкома – Иваненко, Мизин, Любатович. Но это восстание не состоялось.

Во второй половине апреля 1920 года разразился кризис, который ярко проявился на гарнизонном собрании, созванном по инициативе Будрина, Мизина, Березовского.

Гарнизонному собранию предшествовал митинг в народном доме, где артиллеристы потребовали прекратить террор, опубликовать в газете списки приговоренных к смертной казни с указанием причин, прекратить в газете пропаганду исключительно анархизма и дать место для пропаганды идей других партий. Требования артиллеристов обсуждались весьма горячо.

Наиболее активно выступали Мизин, Ковалев, Березовский. Их оппонентами были Оцивelli, Нина Лебедева. Тряпицына на митинге не было.

После митинга Тряпицын решил действовать. В тот же день исполком по распоряжению его председателя Железина, который впоследствии будет расстрелян вместе с Тряпицыным, дал указание арестовать Будрина по обвинению в контрреволюции, а 10 наиболее активных артиллеристов отправить на прииски для несения охранной службы.

В 1922 году в городе Зее при аресте эсера Кузнецова были изъяты копии протоколов комиссии представителей социалистической партии, которая работала в связи с расстрелом Тряпицына в Керби. Из показаний Захарьева, члена исполкома, видно, что «артиллеристы Андреева в крепости Чыррах, узнав об арестах в городе, написали протест на имя Тряпицына, в котором требовали снятия Нины Лебедевой с поста начальника штаба, наведения порядка в следственной комиссии и экспедиционном отряде, обздания распоясавшихся хулиганов из роты Горелова. Артиллеристы постановили созвать общегарнизонное собрание, на которое предполагалось прибыть вооруженными и на котором должны были отчитаться Тряпицын и Железин. Появление такой резолюции говорило о том, что терпению партизан приходит конец, что авторитет Тряпицына серьезно пошатнулся. Предполагалось: если Тряпицын и Железин откажутся от отчета, не дадут слова исправить совершенные ошибки, то тут же, на собрании, их придется арестовать и избрать новых руководителей. Решение размножили в трех экземплярах, два из которых направили в исполком и горсовет. Вручить резолюцию Железину вызвался Баканов, а вторую взял председатель горсовета Любатович. Резолюцию подписали 225 партизан. Вечером артиллеристы узнали, что Баканов арестован (впоследствии он был расстрелян).

Узнали также и о том, что партизаны горно-приискового полка Будрина решительно поддержали требования артиллеристов»²².

Перед гарнизонным собранием было проведено заседание президиума исполкома на квартире Тряпицына, так как он еще не оправился от ранения. Тряпицын выглядел неприветливым. На его кровати поверх одеяла лежал карабин, а на створке ширмы – маузер. Угрюмо отвечая на приветствия входящих членов исполкома, Тряпицын иногда брал карабин в руки, подбрасывал его к плечу и, словно играя, прицеливался мимо голов сидевших людей.

Глядя прямо в глаза Тряпицыну, играющему с карабином, Будрин отчетливо и громко сказал:

– Почему на мирном заседании исполкома командующий сидит с оружием в руках?

Если это для устрашения большевиков, то мы ничего не боимся. Мы народ бывалый, не боялись и колчаковских застенков. Это может испугаться Железин, который не имеет своего мнения, хотя и считает себя большевиком. Если вы говорите о наведении революционных порядков во всей работе, и особенно в наведении военной дисциплины в экспедиционном отряде, вам подчиненном, то в нем собрались бандитские элементы, которые по ночам грабят мирное население и расстреливают людей без суда и следствия. Мы требуем укрепить воинскую дисциплину, и особенно в экспедиционном отряде. Отдельные бойцы этого отряда ведут себя хуже бандитов. Это они ходят по квартирам жителей города и под видом обысков и реквизиций грабят их, уводят неизвестно куда, расстреливают и убивают. Это неопровергимые факты.

В таком же духе выступили Иваненко, Андреев, Бузин-Бич. Находившиеся, сидел Железин. Молчала Нина Лебедева, то краснея, то бледнея, но сдерживала себя. Поглаживая карабин, заговорил Тряпицын:

— Экспедиционный отряд является охраной штаба и находится в более выгодном положении. Это вызывает зависть со стороны партизан других частей. Они завидуют и злятся. Так будет всегда. А что касается расстрелов и арестов кое-кого, то они выполняют мои распоряжения. Буржуазию и белых гадов нужно поголовно уничтожать, и они их уничтожают. С такими людьми у меня разговор короткий — в Амур разгораживать заездки!

Заседание президиума закончилось без принятия какого-либо решения.

Арест Будрина вызвал новую волну возмущения партизан. Штаб послал по частям представителей для организации собрания. 23 апреля было создано объединенное гарнизонное собрание 1-го партизанского полка и делегатов экспедиционного, лыжного, пулеметного отрядов и воинских частей, расположенных в крепости Чныррах. Собрание проходило очень бурно, фактически встал вопрос о недоверии главнокомандующему Красной Армией Тряпицыну и его штабу. Партизанам не нравилось, что начальником штаба являлась Нина Лебедева-Кияшко, которую в официальных документах иногда называли «товарищ Нина», а по совместительству она являлась сожительницей Тряпицына.

Обстановка на собрании, все участники которого были вооружены, была очень накалена. Фактически друг против друга встали две военные вооруженные группировки. Первая — партизаны отряда Будрина и артиллеристы Андреева, вторая — сторонники главнокомандующего Тряпицына. Тон выступлению задала начальник штаба Нина Лебедева, которая провокационно заявила, что в городе раскрыта «антибольшевистская», «антисоветская» организация с участием Будрина. Ею якобы организован специальный китайский отряд для захвата власти. Переломную роль сыграл на собрании бывший белогвардец Биценко-Орленковский. Увидев, что группа противников Тряпицына проигрывает, он выступил с разоблачением своих недавних товариществ — Будрина, Иваненко, Мизина, обвинив последнего в том, что он вступил в сговор с китайским консулом, чтобы ликвидировать партизанский штаб. Последним выступил Тряпицын, и ему удалось склонить на свою сторону большинство присутствующих.

Интересные воспоминания об этом собрании оставил бывший партизан С. Г. Черемных, в 1920—1921 гг. работавший секретарем Амурского обкома ВКП (б): «Критику Тряпицына со стороны Мизина, Будрина и Иваненко (все коммунисты), председателя городского Совета Любатовича, Березовского партизаны встретили с негодованием. В самый разгар страстей выступил Тряпицын. Он обратился к собравшимся с краткой речью и в конце спросил: «Скажите, кто за меня и

кто против?» Председательствующий на собрании максималист Дылдин поставил вопрос на голосование, и из почти 800 присутствующих большинство подняло руки за Тряпицына. Оценив ситуацию, Тряпицын тут же отдал команду: «Арестуйте их!» И тут же на гарнизонном собрании были арестованы Мизин и все, кто выступал на его стороне на собрании. Впоследствии все они были расстреляны. Так гарнизонное собрание, которое могло свергнуть диктатуру Тряпицына, вылилось в его триумф.

Почему же не был арестован Андреев, принимавший активное участие в тайных собраниях? Дело в том, что в тех нескольких собраниях, а возможно, и в одном единственном, на котором присутствовал провокатор Биценко-Орленковский, Андреев не принимал участия. Так судьба уберегла Андреева от расправы. Впоследствии Биценко станет одним из самых страшных палачей Тряпицына. Когда в районе Керби в июне 1920 года Биценко был застрелен председателем ревтрибунала Дылдиным, партизаны обыскали его труп и нашли зашитые в одежде погоны, кокарду унтер-офицера колчаковской армии и царские деньги, после чего труп раздели и бросили в реку²³.

В начале апреля 1920 года, незадолго до гарнизонного собрания, по приказу Тряпицына с острова напротив крепости Чынграх были сняты орудия «Кинжалной батареи» и перемещены в крепость, после чего были назначены учебные стрельбы по целям. В расположение роты артиллеристов Павлова К., близкого друга Андреева, прибыли Тряпицын, Лебедева и члены штаба. Принимал командующего Андреев. Во время ожидания Тряпицына его штаб предлагал артиллеристам Андреева арестовать Тряпицына, поскольку охрана его была немногочисленной. Андреев после длительного раздумья отклонил этот план, мотивируя тем, что у них нет полной поддержки у партизан из других отрядов, а в одиночку действовать нельзя. Он сказал и о том, что «пришлые», безусловно, расправятся с семьями местных партизан, которые будут замешаны в этом деле, и предложил отложить свержение Тряпицына до отхода партизан из города.

Но мысли о свержении Тряпицына не оставляли Андреева. Он понимал, что такой момент настанет, и он настал²⁴.

Видя творимые Тряпицыным и его подручными беззакония, наиболее авторитетные командиры отрядов и рядовые бойцы стали искать пути к замене Тряпицына и его анархистского окружения. На квартире Иваненко в доме Зинкевича собирались местные Будрин, Клячин, Андреев, Любатович, Березовский и другие, а также пришлые – Мизин, Аношкин. Они горячо обсуждали вопрос об отстранении от власти Тряпицына и Лебедевой. Большинство считало, что женщины (Нине Лебедевой) не место на посту начальника штаба и что наиболее подходящая кандидатура на место командующего – Бузин-Бич. На одном из заседаний присутствовал Биценко, ранее служивший в отряде белогвардейцев под командованием Вица. Но на этом собрании не присутствовали артиллеристы во главе с Андреевым, это и спасло их от расправы. Все присутствующие на собрании – Будрин, Мизин, Иваненко, Любатович, Березовский, Ковалев – впоследствии были расстреляны.

13 мая 1920 года на заседании Сахалинского облисполкома ввиду осадного положения Николаевска был создан военно-революционный штаб, которому была передана вся власть в области. Тайным голосованием членами военно-революционного комитета были избраны О. Ауссем, Ф. Железин, Перегудов, Я. Тряпицын и Нина Лебедева. Это в принципе правильное решение в дальнейшем сыграло отрицательную роль, ибо скоро все члены штаба были отстранены от работы и вся власть перешла в руки одного человека – Тряпицына. Не случайно этот период называется диктатурой Тряпицына.

БЛОКАДА НИКОЛАЕВСКА. УХОД В КЕРБИ

В середине мая 1920 года японцы открыли блокаду Николаевского побережья. Отряд миноносцев и два линейных корабля – «Микаса» и «Микашим» – блокировали проливы Лаперуз и Татарский. Под контролем японцев оказалось все побережье от Охотска до Де-Кастри. В конце мая японцы открыли сухопутные операции – на Сахалине и в Де-Кастринском заливе были высажены крупные десанты, около 20 тысяч человек. Японцы готовились также с началом навигации выслать канонерские лодки со стороны Хабаровска и крейсера со стороны моря – для захвата Николаевска. Город оказался окруженным со всех сторон, дни его были сочтены²⁵.

Партизанская армия не смогла бы противостоять превосходящим силам противника. Было принято решение оставить город. Вопреки мнению большинства Тряпицын предложил эвакуировать все население, и если придется, то принудительно, а город уничтожить. «Для иностранных государств будет очень показательно, если мы сожжем город и все население эвакуируем»²⁶, – считал он.

Тряпицын приказал расстреливать всех, кто не захочет эвакуироваться, попытается скрыться в ожидании японцев. В городе начались массовые расстрелы и убийства. В последние дни эвакуации Тряпицын отдал приказ расстрелять находившихся в тюрьме большевиков Будрина, Иваненко, Мизина и других своих идеиных противников.

О причинах расстрела большевиков написал известный анархист Володин М. в статье «Трагедия Николаевска-на-Амуре»: «Да, эти «коммунисты» были партизанами расстреляны. Но – почему и как? Руководствуясь принципом сохранения революционной дисциплины и единства среди восставшего населения, Обл. Исп. Ком. Советов края и партизанский штаб в силу необходимости должны были пресечь попытки некоторых коммунистов подчинить вооруженные массы своему партийному центру»²⁷.

Один из крупнейших городов Дальнего Востока, в котором по состоянию на 1919 год проживало около 19 тысяч человек и насчитывалось около 1200 домовладений, был стерт с лица земли.

Можно рассуждать, насколько правильным было решение об уничтожении города, но Тряпицын принял такое решение, и на суде ему будет поставлено это в вину. 1 июня 1920 года радиостанция крепости Чыррах передала последнее радиообщение штаба Красной Армии: «Товарищи! В последний раз говорим с вами. Оставляем город и крепость, взрываем радиостанцию и уходим в тайгу. Все население города и района эвакуировано. Деревни по всему побережью моря и в низовьях Амура сожжены. Город и крепость разрушены до основания, крупные здания взорваны. Все, что нельзя было эвакуировать, и все, что могло быть использовано японцами, нами уничтожено и сожжено. На месте города и крепости остались одни дымящиеся развалины, и враг, придя сюда, найдет только груды пепла. Мы уходим»²⁸.

ЗАГОВОР

Прибыв в Керби, Тряпицын отдал приказ населению сдать оружие, а затем – имеющиеся топоры и косы (оставил по 1 топору на 3–4 семьи). Когда же на окраинах села стали рыть большие глубокие ямы, все население – в основном беженцы из Николаевска – замерло в ужасе, напряжении и страхе.

Среди населения поползли слухи, что Тряпицын бросит партизан и вместе с золотым запасом уедет в Благовещенск, а может быть, и в Китай.

Эти слухи имели под собою реальное основание. 20 июня 1920 года под № 258 Тряпицын посыпает своим доверенным лицам Лапте и Бичу, которые вместе со

своими отрядами остались в японском тылу, указание: «Вашей задачей является полная очистка указанного района от белогвардейских элементов... Всех, оказывающих противодействие и не исполняющих наши распоряжения, – уничтожать, не считаясь с тем, если придется вырезать полдеревни. В Благовещенске будем числа 15-го». В этом же указании Тряпицын сообщал о своих дальнейших планах из Благовещенска выслать отряды с тем, чтобы, «употребив все силы, – занять Хабаровск»²⁹.

Особенным зверством выделялись партизаны отряда Биценко, в частности Файнберг, Жирный, Оська Крученый.

Основные отряды партизан, покинув горевший Николаевск, через 21 день, вышли на реку Амгунь в районе Красного Яра у Херпчинских приисков. Тряпицын, отдав команду о выдвижении на боевые позиции заградительных отрядов с кавалеристами, направился в Керби. Неподалеку от устья Амгуни в Сергиево-Михайловском был поставлен отряд артиллеристов под командованием Андреева. На месте почтового станка «Беда» поставили небольшой отряд Леодорского-Осипова, а в Князево расположили отряд Бачеева и роту Есипова. В Удинске, или еще называли его Удинский склад, небольшом поселке на берегу Амгуни, расположился штаб 1-го полка Амурова-Казодаева. Там же находился штаб Амгуно-Тырского фронта во главе с Сасовым-Беспощадным и начальником штаба Стрельцовым-Курбатовым.

Находясь на фронте в устье Амгуни, Тряпицын получил предупреждение от командира 1-го полка Амурова-Казодаева о том, что Андрееву, который с отрядом артиллериистов находился на боевых позициях в устье Амгуни, доверять нельзя. Прибыв 27 июня в Удинский склад, Тряпицын принял во внимание это предупреждение и решил выманить Андреева в Керби и расправиться с ним. Для этого своим распоряжением № 106 от 29.06.1920 г. главнокомандующий по войскам Красной Армии бывшего начальника артиллериии Андреева назначает заведующим артиллерийскими складами, хотя никаких складов в поселке Керби фактически не имелось. Этим распоряжением Тряпицын дал понять, что дни Андреева сочтены.

А в это время в Князево, небольшой деревушке на берегу Амгуни, в 40 верстах от Амура, на сопке, с которой Амгунь хорошо просматривалась, расположилась засада из 7 партизан. Жителей в деревне не было, одни скрывались в тайге, другие выехали в Керби, опасаясь прихода японцев. Здесь и расположились рота Андрея Чащина и отряд Семена Бачеева.

Партизаны же после длительного перехода из Николаевска по таежным марам вышли в Удинск. Они собрались и отдохнуть, и сходить в баню, и подштопать одежду. Вместе с командиром Леодорским сюда пришел Сасов и огласил приказ Тряпицына: выдвинуться на позиции в Князево с боевым заданием – выбить японцев из гиляцкого стойбища в устье Амгуни, стать там фронтом и не пропустить японцев дальше по Амгуни. За невыполнение приказа – расстрел. Поматерились партизаны: мол, и отдохнуть не дали, но что делать – надо приказ выполнять.

На следующий день рано утром на берестяных оморошках уехали разведчики. Вернулись ночью и доложили, что стойбище занято японцами, на Амуре стоит канонерка. По сухому не пройти, по воде лодками против канонерки не пойдешь, да и людей маловато. Как быть, что делать? Посоветоваться не с кем. С Удинском связи нет, с артиллериистами Андреева – тоже, они ведь разместились выше и должны наступать вместе со всеми. На следующее утро послали в разведку еще 4 лодки. Разведчики видели много японских солдат, к тому же заметили вынесенные водой на кусты тальника у берега трупы людей, а тут еще к Князево пришло тело мужчины с разрубленной головой и в нижнем белье. Партизаны зашумели: кто эти люди? Значит, убивают людей, наверное, в Удинске, где командует Сасов, назвавший себя Беспощадным, или в Керби, где засел со своим экспедиционным

отрядом Тряпицын.

Из воспоминаний Павлова Никиты, члена временного военно-революционного штаба Андреева, видно, что мятеж против Тряпицына поднял 3-й взвод сахалинцев во главе с Иваном Водяным, который потребовал созыва отрядного собрания для прекращения преступлений ближайшего окружения Тряпицына, начавшихся еще в Николаевске.

Для доставки партизан в Удинск и Керби требовалось большое количество транспортных средств, но их не было. Решили послать в Удинск капитенармуса Родиона Вагина за продовольствием. Не вызывая подозрений, он получил все, что было запрошено, и даже больше, весь груз погрузил на большую железную баржу, которую тащил за собою катер «Аида». С этим караваном в отряд выехал Амуро-Казодаев, имея приказ Тряпицына арестовать Андреева и Леодорского и доставить их в Керби, а затем расстрелять.

И здесь произошло то, чего никто, тем более Тряпицын и Амуро-Казодаев, не предусмотрел. Когда к берегу подошел катер и Амуро-Казодаев сошел на берег, навстречу ему вышли Андреев и Леодорский с вооруженными партизанами. Амуро-Казодаев поздоровался и сказал, что Тряпицын требует прибытия им в Керби. На это Андреев ответил: «Понятно». И дал команду разоружить Амуро-Казодаева. Тот так растерялся, что беспрепятственно отдал оружие. Его охрана также была разоружена. Амуро-Казодаев в трюме баржи был доставлен в Керби, где был судим и расстрелян.

Вызов был брошен. Теперь Андрееву и артиллеристам предстояло идти до конца.

Утром 28 июня в Князево на катере прибыла делегация артиллеристов из Серги-Михайловска, что находилось в 15 верстах выше, где стали заставой. Приехали Андреев, Полетаев, Аношкин, Николаев – всего 7 человек.

Было единодушно принято решение избрать делегатов и направить в отряд Бачеева и Леодорского.

Встретились сразу же с Леодорским и тут же объявили о созыве собрания. С докладом о текущем моменте выступил Андреев. Рассказал страшные вещи: Тряпицын в ближайшие дни собирается вместе с экспедиционным отрядом, в котором собрались отборные головорезы, пойти вместе с золотым запасом, реквизированным на приисках, в Благовещенск, а все остальные будут держать фронт от японцев до поздней осени или даже зимы. Население в Керби к эвакуации не готовится, недовольных, в том числе партизан, расстреливают без суда и следствия. Казни идут и в Удинске – плывут по Амгуни обезображеные трупы. Рассказал также о том, что при уходе из Николаевска Тряпицын отдал приказ расстрелять партизанского командира Будрина и его 16-летнего сына. Расстреливают партизан, которые боролись за Советскую власть, за то, что они высказываются против засилья в окружении Тряпицына темных личностей. Андреев сказал, что артиллеристы решили выступить против неправильных действий Тряпицына и его штаба, против незаконных арестов и бессмысленных убийств, потребовать наказания виновных. После Андреева выступили и другие артиллеристы. Их выступления буквально ошеломили партизан, настолько это было внезапным и неожиданным. Не может такого быть, что-то тут не так! Собрание заволновалось и зашумело. Многие считали, что Тряпицын не знает о творимых безобразиях, и до позднего вечера продолжались жаркие споры, но так ничего не решили. Всю ночь спорили, дело чуть не до драк доходило. Командир роты Леодорский, всегда решительный и энергичный, на собрании не выступал. Партизаны обращались к нему: «Командир! Как быть? Что делать?» Леодорский нехотя отвечал: «Решайте сами, как решите, так и будет».

Утром продолжили собрание. Было принято решение поддержать выступление артиллеристов против незаконных действий штаба Тряпицына и отдельных

командиров. Выехать в Керби, потребовать созыва общего гарнизонного собрания партизан и доклада Тряпицына о дальнейших действиях и эвакуации населения. Потребовать от Тряпицына строгого наказания командиров, виновных в незаконных расстрелях.

Протокол собрания подписали Андреев, Леодорский, Полетаев и еще несколько партизан. Сразу же после собрания Андреев и Леодорский уехали на заставу артиллеристов, а отряд стал собираться в дорогу. Вернувшийся Леодорский объявил, что в Князево остается 60 партизан с пулеметом «Максим», а остальные 80 партизан погрузились в кунгас, приведенный катером, и вышли в Удинск, ночью к отряду присоединились артиллеристы.

РАЗОРУЖЕНИЕ ГАРНИЗОНА В УДИНСКЕ

Пока ночью шли в Удинск артиллеристы, стоявшие на боевых позициях люди в устье Амгуни рассказывали, что им приходилось видеть обезображеные трупы партизан, плывшие по течению; в некоторых они узнавали своих знакомых. Не было никаких сомнений в том, что трупы по течению плывут из Удина или Керби, где расположился со своим штабом Тряпицын³⁰.

К Удинску подошли на рассвете, причалили ниже поселка у кустов тальника, быстро и бесшумно высадились. Всего, вместе с артиллеристами, оказалось около 200 человек. Леодорский объяснил, что необходимо разбиться на группы по 5–7 партизан и разоружить гарнизон, стрельбы без надобности не открывать, а разоруженных партизан из домов не выпускать до особого распоряжения. Все прошло на удивление спокойно и без выстрелов. Все спали. Как будто не было никакого фронта и не было японских войск, спали все: и часовые, и ночной дозор, спал и командующий фронтом Сасов-Беспощадный, которого взяли прямо в постели. Арестовали всех командиров – Стрельцова-Курбатова, Коцубу, Кривулина и других. Попался и Оська Крученый – пьяница и бандит, бывший каторжанин-уголовник, который был главным и безжалостным палачом у Сасова. Всех арестованных командиров посадили в носовой трюм баржи «Орочен».

После обеда было собрано общее собрание всех партизан и жителей, на котором Андреев, Аношкин и Николаев рассказали о цели приезда и о выступлении против штаба Тряпицына. Все партизаны поддержали выступающих и выразили желание идти на Керби. После собрания всем разоруженным партизанам было возвращено оружие, изъятое ночью. На этом же собрании был избран временный военно-революционный штаб, в состав которого вошли Андреев, Аношкин, Бачеев, Павлов, Леодорский и Пак Василий. Андреев был избран главнокомандующим Красной Армией. Леодорский был избран заместителем командующего, Аношкин – начальником штаба, Полетаев – секретарем.

Корейские отряды, узнав о перевороте, побросали свои позиции и присоединились к отряду. Заговор против Тряпицына сформировался окончательный, до трагического и кровавого финала партизанского движения на Нижнем Амуре осталось совсем немного.

В Керби еще не знали, что в Красной Армии уже два главнокомандующих и два штаба и что близится день кровавой расплаты над тем, кто уничтожил замечательный русский город на Нижнем Амуре, кто пролил кровь своих товарищей – партизан и невинных жителей. В это время в Керби Тряпицын и его штаб собирались в дальнюю дорогу – в Благовещенск, но часы их жизни отсчитывали последние мгновения.

Жители рассказали о зверствах Сасова и его приспешников, о том ужасе, в каком они жили последние дни.

По любому доносу или по личному подозрению Сасова людей расстреливали

без всякого суда, все жили в постоянном страхе. На площадке под крутояром Амгуни остались следы крови, затоптанной в песок. Здесь казнили без суда и следствия, а тела сбрасывали в Амгунь, и их уносило течением в низовье. Видимо, эти тела видели партизаны, когда ходили в разведку, и артиллеристы.

Уже вечером, оставив в Удинске небольшой гарнизон, вышли в Керби. На барже «Орочен», которую буксировал катер «Мукомол», отправились по Амгуни в направлении Керби. Шли всю ночь. Захват Удинска и арест близайших сторонников Тряпицына приободрил партизан. По рассказам удинцев, в Керби среди партизан имелось большое недовольство тем, что произошло разделение на «надежных» и «ненадежных». Всем, кого признали «надежными» — кавалеристам, экспедиционному отряду, — давали лучшее питание; они получали лучшее оружие и обмундирование. Особенно выделялись отличившиеся партизаны и командный состав — все они были одеты в кожаные костюмы из шевро и хрома, вывезенного из Николаевска. Всем остальным, т. е. «ненадежным», было суждено держать оборону от японцев. К тому же все «надежные» собираются уйти вместе с Тряпицыным и золотым запасом в Благовещенск. Все это будоражило партизан и вызывало возмущение.

После того как все партизаны узнали о случае с Ларичем, которого Тряпицын лично застрелил за съеденный шоколад во время перехода из Николаевска, его авторитет сильно упал. После этого сомнений в избранном пути уже не было. Выбор был сделан.

В пути Леодорский пересел с парохода на баржу и рассказал, что Тряпицын вместе с Ниной Лебедевой и своим штабом располагаются в Керби на пароходе «Амгунец». Золото они увезли на прииск Софийский, и по пути следования в Благовещенск для отряда Тряпицына забрасываются продукты. Леодорский сказал, что Тряпицына вместе с его штабом надо захватить так же внезапно, как это сделали в Удинске. После этого катер с баржей остановился, и Андреев, выстроив партизан на палубе и распределив их по отрядам и группам, поставил перед ними задачу захвата Тряпицына и всех командиров в Керби.

На пути в Керби отряд задерживал все суда и лодки, поднимавшиеся вверх, подробно расспрашивал об обстановке в Керби, и людей брали либо на пароход, либо на баржу. Заодно убедились, что и в Удинске, и в Керби не догадываются о планах отряда.

И опять задумались партизаны: Тряпицын — боевой командир, его и штаб охраняет экспедиционный отряд Видманова, все люди опытные и будут биться до последнего.

На рассвете, около 3 часов, спрятавшись в трюм баржи, подошли к Керби. Причалив к берегу, цепью пошли к домам. Первыми на берег сошли Андреев и Леодорский, вокруг тишина и ни одного часового. Леодорский отдал команду: «Кто на «Амгунец» — вперед!» В первую секунду у входа на широкие сходни возникло небольшое замешательство — с верхней палубы на нападавших, обложенный мешками с песком, грозно смотрел ствол пулемета. Через мгновение партизаны ворвались на «Амгунец» и в самой большой каюте обезоружили спящую охрану — около 20 человек. Ее обезоружили без выстрелов.

Тряпицына арестовали на удивление спокойно. В его аресте участвовала специальная группа, человек 7–8, в том числе Андреев, Аношкин, кореец Пак, Есипов, Ковалев, Писяев. Спустя много лет родилось несколько версий ареста Тряпицына, а в действительности основную роль сыграл Леодорский, которого Тряпицын хорошо знал и которому доверял. Пока часовой рассматривал печати на пакете, который был накануне заранее изготовлен, его и двух дежурных обезоружили. Леодорский постучал в дверь каюты Тряпицына и сказал, что доставил ему срочный пакет с фронта. Полураздетый Тряпицын вышел в коридор, где ему сказали, что он

арестован и ему надо сдать оружие. Тряпицын сказал: «Это мне не впервые. Кто поднял бунт?» Но увидя наведенные на него стволы винтовок, по приказу Есипова поднял руки. Партизаны очень удивились, что Тряпицын спокойно сдал свой маззер, после чего его и Нину Лебедеву отвели в канатный трюм.

Захват Керби произошел так же спокойно, как и Удинска. Ни дозоров, ниочных патрулей на улице села не было – все спали. Всем было понятно, что японцы далеко, а впереди – свои партизанские отряды, так чего же опасаться в это июльское утро. А что Керби могут захватить свои же партизаны, такое и во сне присниться не могло.

А в Керби творилось, что-то невообразимое. Сначала население перепугалось, а затем обрадовалось неожиданному освобождению. Со всех сторон поволокли к барже всех, кого считали приспешниками Тряпицына, – командиров больших и малых отрядов, жителей села, стоило только на кого-либо показать пальцем как на сочувствующего Тряпицыну. В первый день не особенно разбирались, и, как всегда по-российски, аресты шли без всякой меры и обоснования. Всего арестовали и посадили около 450 человек, многих зря, по оговору, по злобе, по личным счетам и вражде. Арестованных было так много, что они содержались в самых различных местах. Так, например, на барже «Орочен» содержались 23 арестованных, на барже «Тунгус» – 87, в амбаре – 11. На «Амгунце» Тряпицына с Ниной Лебедевой охраняли самые надежные – из отряда артиллеристов.

Так идея разобраться по-хорошему с незаконными арестами в Керби, зародившаяся на собрании в Князево, обернулась в те же самые и даже более масштабные аресты. Недавно возмущавшиеся арестами теперь сами дали волю чувствам – «хватай, тащи, а потом разберемся».

Итак, уже днем 3 июля новая власть в Керби установилась окончательно. Многие задумались о судьбе Тряпицына. Вспоминали, как после разгрома японского выступления в марте многие партизаны возами везли буржуйское добро из Николаевска. Вспомнили Амурова-Казодаева. Был простой мужик-кузнец, а стал командиром – весь наизнанку вывернулся в погоне за чужим добром. А Горелов Федька, грузчик и пьяница, став командиром отряда, занялся грабежами под видом обысков и много людей понапрасну погубил. И сколько таких было! «Вот соберется гарнизонное собрание, – думали другие, – и на нем Тряпицын расскажет, как все это получилось и как он думает разобраться с такими командирами, а заодно и с Сасовым, Харьковским, Оцивелли... Какой же он главнокомандующий, если не пресек эти злодеяния? Позвал бы нас, старых партизан, мы бы укоротили эту пришлую сволочь».

А тем временем в селе было неспокойно. Судьба арестованных, и особенно Тряпицына, не давала покоя никому. Сначала думали отправить Тряпицына и наиболее отличившихся в зверствах партизан в Благовещенск и там отдать их в руки военного трибунала Красной Армии. Но по селу поползли слухи о том, что сторонники Тряпицына готовятся освободить его и арестовать Андреева. Стало ясно: пока Тряпицын жив, никто из заговорщиков спокойно чувствовать себя не будет. В качестве меры предосторожности решили заковать Тряпицына в цепи, что и было сделано в присутствии партизан и большой толпы жителей села. После того как Тряпицын, совсем недавно легендарный партизанский командир, прошел через строй своих недавних товарищей с цепью на пояснице, поддерживая обеими руками цепи, спускающиеся к ногам, на которых были металлические кольца, на многих это произвело нехорошее впечатление, в то же время в его адрес выкрикивались угрозы. Ситуация выходила из-под контроля. Надо было на что-то решаться.

6 июля на общем гарнизонном собрании в Керби с докладом по текущему моменту выступил председатель временного военно-революционного штаба Андреев. Собрание одобрило действия штаба по ликвидации бандитского окружения Тряпицына и постановило: «Вести начатое дело смело, надеясь на нашу поддерж-

ку, и совместно с Советской властью стремиться к осуществлению идеалов рабоче-крестьянской власти Советов»³¹, также было принято решение избрать «для рассмотрения дела Тряпицына и его ближайших приспешников из частей войск, рабочих союзов и населения с. Керби по два делегата из 50 для создания гласного Народного Суда, причем решение суда привести в исполнение немедленно»³².

На следующий день, 7 июля 1920 года, распоряжением командующего войсками Андреева состав народного суда решено было «дополнить представителями от всех граждан, а именно: по одному делегату от каждого 25 (двадцати пяти) человек как от товарищей партизан, так и от всего прочего гражданского населения. Избранные представители, снабженные мандатами, должны явиться завтра, 8 июля, к 8 часам утра в помещение следственной комиссии для исполнения своих обязанностей»³³.

Всего было выбрано 103 члена народного суда – отсюда и пошло упоминание во всех источниках о «суде 103-х». Судебное заседание открыл новый главнокомандующий Андреев, который приветствовал суд от имени генштаба и призвал уклонившихся от долга советских работников судить по совести и тщательно, а не для удовлетворения кровожадных инстинктов массы. Он сказал, что это нужно для успокоения рядов истинных друзей Советской власти, а еще для того, чтобы другим бандитам неповадно было.

Так они и встретились в последний раз – закованный в кандалы, обвиняемый в совершении тяжких преступлений против Советской власти и своего народа бывший главнокомандующий Красной Армии Яков Тряпицын и его бывший командир отряда артиллеристов Иван Андреев. Заговор удался, настало время платить по старым счетам. Последнее слово было за народным судом.

О том, как проходил суд над Тряпицыным и его приспешниками, достаточно подробно написано как советскими, так и зарубежными исследователями.

Всего подсудимых было 130, из них 23 были расстреляны, 40 приговорены к различным срокам тюремного заключения, остальные оправданы.

По приговору народного суда постановили:

«За содеянные преступления, повлекшие за собою смерть около половины населения Сахалинской области, разорившие весь край, постоянно подрывавшие доверие к коммунистическому строю среди трудового населения области и могущие нанести удар авторитету Советской власти в глазах трудящихся всего мира, гражданина Тряпицына Якова, Лебедеву Нину, Харьковского Макара, Железина Федора, Оцевили-Павлуцкого Ивана, Сасова Ефима и Трубчанинова подвергнуть смертной казни через разстрелание».³⁴

В мотивировке приговора говорилось, что с 22 мая 1920 года Тряпицын допустил ряд беспричинных арестов и расстрелов мирных жителей, отдал приказ расстрелять ряд активных большевиков – Будрина, Мизина, Иваненко и других, за время пребывания в должности главнокомандующего Красной Армии саботировал выполнение решений Центра по строительству на Дальнем Востоке буферного государства.

Среди прочих обвинений, выдвинутых Тряпицыну народным судом, было обвинение в расстреле пленных японцев, захваченных в результате боев в городе Николаевске 13–15 марта 1920 года. Вот текст этого документа:

«24.05.1920 года № 209. Командиру 1-го полка. Военно-революционный штаб предписывает вам привести в исполнение смертный приговор над арестованными японцами, находящимися в лазарете, а также над осужденными, находящимися в 1-м полку. Командующий Красной Армии Тряпицын»³⁵.

Для многих партизан приговор суда оказался неожиданным. Некоторые стали говорить, что надо идти в штаб и просить о пересмотре приговора, но горячие

головы быстро остудили, сказав: «Раньше надо было думать, а не орать, неужто в трюм захотели». Поговорили и замолчали, дело сделано, назад не повернешь.

Казнь проходила поздним вечером 9 июля 1920 года. Два взвода вызвали в оцепление на окраину села около большой вырытой ямы. На «Амгунце» усилили караулы, к барже, где находились приговоренные, никого не подпускали. От баржи до места казни — сплошной людской коридор. Послышался глухой ропот, люди пытались выбраться на дорогу, солдаты с трудом сдерживали людей, крики, ругань. Показались арестованные. Впереди, поддерживая руками кандалы, Тряпицын и рядом с ним Нина Лебедева (потом скажут, что она была на четвертом месяце беременности), за ними остальные приговоренные к смерти. Тряпицын без головного убора. На нижнюю сорочку накинута кожаная куртка, руки связаны сзади, ноги в кандалах. Шел, высоко подняв голову, Нина в хромовых сапогах, в черном шерстяном платье выглядела сильно изменившейся, осунувшейся, глаза ввалились. Идущий последним председатель Сахалинского исполкома Железин грустно и виновато улыбался. По мере приближения арестованных шум толпы становился все тише. Подвели к яме и поставили всех в ряд. Несколько человек подошли к осужденным, и один из них, председатель народного суда Воробьев, сбиваясь и запинаясь, стал читать приговор. Осужденные слушали его молча, тихо переговариваясь, а Тряпицын вглядывался в лица партизан.

Расстрелом командовал Яков Есипов. После команды: «Взвод, приготовиться!» среди приговоренных послышался ропот. Железин срывающимся голосом закричал: «Стреляйте! Но помните, что за нами придет мировой пролетариат, и он сметет вас!» Что-то пытался крикнуть Оцивелли-Павлуцкий. Команда «Пли!», недружный залп — два или три выстрела запоздали. По свидетельству очевидцев, «Тряпицын до конца, до последней секунды, вел себя стойко. Когда раздался залп по осужденным, все упали. Не убитых первым залпом и еще живых добили контрольными выстрелами в голову Яков Есипов и помощник начальника гарнизона Керби Приходько».

Убитые под охраной особого поста были оставлены на краю вырытой ямы до следующего дня.

Похоронили расстрелянных через день, когда все жители смогли лично убедиться, что приговор в отношении Тряпицына и злодеев, терроризировавших мирное население и виновных в гибели нескольких тысяч мирных жителей, виновных в сожжении их родного Николаевска, приведен в исполнение.

Так закончилось противостояние Якова Тряпицына и Ивана Андреева. Исход противостояния вполне закономерен. Произошло столкновение двух ярких личностей, двух выходцев из народа, которых революция подвергла суровым испытаниям на верность своим идеалам. С одной стороны, недавний солдат, выходец из крестьян Яков Тряпицын, проникшийся идеями анархизма, поднятый на вершину власти и ставший безжалостным диктатором, не щадящий ни чужие жизни, ни чужие дома и города и в результате этого предавший свою революцию. Ему противостоял закаленный жизнью отец троих сыновей, уважаемый человек, отдавший воинской службе 15 лет и, что немаловажно, проживший много лет в городе, который был безжалостно уничтожен пришлыми людьми, жителей которого на его глазах тысячами убивали. Мог ли он быть равнодушен к судьбам своих товарищих и к судьбе своего города? Нет! И поэтому, зная о том, что его ждет в случае неудачи, он возглавил заговор против «нижнеамурского диктатора», и жизненный опыт 37-летнего солдата одержал верх. Это противостояние не вписывается в строгие рамки классовой борьбы, схватки белых и красных, большевиков и анархистов-максималистов, как описывали так называемый «николаевский инцидент». Все прошедшие 80 лет, скорее всего, скрывали подлинную историю, а точнее, трагедию

народа, ввергнутого в кровавую пучину братоубийственной гражданской войны, не могли сказать, что движущими силами истории могут быть и столкновения личностей, таких как Яков Тряпицын и Иван Тихонович Андреев.

Безусловно, что делать из Тряпицына героя, сравнивать его с Чапаевым и другими героями гражданской войны, ставить вопрос о возведении ему памятника и делать попытки его реабилитации, — скорее, все это обречено на неудачу. Пепел сожженного города, кровь тысяч невинно убиенных — все это надолго в памяти народа. Что же касается Андреева, то судьбой ему было предначертано встать на пути диктатора, остановить безумие, и он это сделал.

Список использованных источников:

1. Левкин Г. Г. Волочаевка без легенд. Приамурское географическое общество. Хабаровск, 1999. С. 108–114.
2. ГАХК. Ф. 1503. Оп. 5. Д. 12. Л. 26–29.
3. Смоляк В. Г. Борьба большевистской партии за власть Советов в низовьях Амура (1917–1920 гг.). МГУ, 1973. Автореферат кандидатской диссертации.
4. Беликова Л. С. Статья в сб. «Борьба КПСС против правого и левого оппортунизма (1909–1930 гг.)». Калининградский государственный университет, 1978. С. 146–165.
5. Левкин Г. Г. Записки общества отечественной истории «Николаевская крепость». Хабаровск, 2000, № 5–6.
6. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1376. Л. 177.
7. Николаевский-на-Амуре муниципальный краеведческий музей. Фонд «Участники революции и гражданской войны». А-4-10. Оп. 78. Д. 3899/1-3.
8. Джапан газета. Япония. 19.06.1920.
9. ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 332. Л. 63.
10. Там же. Л. 65–66.
11. Красный маяк. Николаевск-на-Амуре. 23.02.1938.
12. ГАХК (филиал, г. Николаевск-на-Амуре). Ф. 715. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.
13. ГАХК (филиал, г. Николаевск-на-Амуре). Ф. 715. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.
14. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 332. Л. 60–61.
15. ГАХК (филиал, г. Николаевск-на-Амуре). Ф. 715. Оп. 1. Д. 3. Л. 79–81.
16. ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 290. Л. 116.
17. Там же. Л. 64.
18. ГАХК (филиал, г. Николаевск-на-Амуре). Ф. 715. Оп. 1. Д. 8. Л. 253.
19. ГАХК. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
20. ГАХК. Ф. 1181. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.
21. ГАХК. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
22. ГАХК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 46. Л. 23.
23. ГАХК (филиал, г. Николаевск-на-Амуре). Ф. 44. Оп. 1. Д. 44. Л. 275.
24. ГАХК (филиал, г. Николаевск-на-Амуре). Ф. 715. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.
25. Воля. Владивосток. 12.06.1920.
26. ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 290. Л. 24.
27. Володин М. Трагедия Николаевска-на-Амуре // Анархический вестник. Берлин, 1923. № 2. С. 46.
28. Известия Камчатского областного Совета. 03.06.1920.
29. ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 335. Л. 32.
30. ГАХК. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 8. Л. 67.
31. Красный клич (орган военно-революционного штаба Николаевского округа). 12.07.1920.
32. ГАХК. Ф. 1181. Оп. 2-с. Д. 2. Л. 1-подлинник.
33. ГАХК. Ф. 1181. Оп. 2. Д. 8. Л. 12.
34. Гутман А. Я. (А. Ган). Гибель Николаевска-на-Амуре. Берлин, 1924. С. 123–124.
35. ГАХК. Ф. 1181. Оп. 2. Д. 8. Л. 12.